

Писатель о писателе

И ПЕСНЯ, И СТИХ...

Много лет назад, работая в редакции газеты, я обратился с просьбой напечатать стихи для литературной странички к поэту Николаю Доризо, автору широко известных в то время стихов и песен «Помнишь, мама моя?», «А я люблю женатого». Через полчаса поэт позвонил мне, сказал, что стихи готовы, и прочел их по телефону.

Это были стихи о Суворове. Они мне очень понравились. В них чувствовалась рука зрелого мастера. Но я высказал поэту свое удивление тем, как быстро они написаны. И тогда Николай признался, что появились они еще в Ростове и в школьные годы. Оказалось, пишет он с детства, а в пору фронтовой юности создал песни, которые были широко известны среди солдат, и одна из них — «Мы Керчь покидали с боями».

Эти песни были как бы предвестниками тех, которые написал поэт, уже став москвичом. Они известны всей стране и до сих пор

— вот уже тридцать лет! — поются не только по радио и телевидению, но (и это главное) — в народе.

Достаточно вспомнить хотя бы «На тот большак, на перекресток...», «От людей на деревне не спрятаться», «Дочери, дочери, взрослые дочери», «Почему ты мне не встретишься, юная, нежная?», «Давно не бывал я в Донбассе». А разве можно забыть голос М. Бернеса, исполняющего «Ну, что ж сказать, мой старый друг, мы в этом сами виноваты»?!

Конечно, в популярности замечательных, за душу берущих песен «виноваты» и композиторы К. Молчанов, Н. Богословский, А. Островский, М. Фрадкин, О. Фельцман. Но без творческого импульса, который заложен в песенной, истинно народной, порой остродраматичной и всегда сюжетно-психологической поэзии, по-народному мудрой и ясной, и поэтому сразу запоминающейся, произведения эти не могли бы состояться.

Творческий диапазон Николая Доризо не ограничивается песней. Кстати, песни пишет он не так уж часто. Песня и трагедия в стихах, эпическая поэма, повесть, рассказ... Казалось бы, совершенно разные, далекие друг от друга жанры. Но у Доризо они органически сочетаются и продолжают друг друга. Что же их роднит? Постоянное стремление поэта к глубинному проникновению в психологию героя, удивительное умение сделать своим, кровным, а свое отдать людям. Уникальный талант перевоплощения.

И тут хочется сказать, что поэт — помимо всего прочего — мастер увлекательнейших устных рассказов, шаржей и пародий на собратьев по перу, коллег по искусству. Когда он выступает перед читателями (вспомним хотя бы его вечера в Колонном зале Дома союзов, в концертной студии Останкино, в Доме литераторов, в Театре эстрады), он как бы являет

собой театр одного актера, где, сменяя друг друга, взаимодействуют трагическое и комическое.

Я с удовольствием вспоминаю и те устные рассказы Николая Константиновича, которые в свое время публиковала «Вечерняя Москва».

В литературной, среде любящей микродраматургию поэта, который изображает наших известных писателей. Однажды, войдя в писательский дом, я неожиданно услышал у себя за спиной голос К. Симонова. Сперва я подумал, что это магнитофонная запись одной из его речей. Но тут выяснилось, что произнес ее... Николай Доризо, который свято помнит, чем он обязан выдающемуся советскому писателю, обратившему на него внимание, когда был он начинающим поэтом, и дававшему ему путевку в литературную жизнь.

По всей вероятности, яркая судьба К. Симонова с молодых лет настолько очаровала и привлекла

Доризо, что он всегда учится у него не только тому пронзительному лиризму, который делает, казалось бы, интимное стихотворение всенародно известным («Жди меня», например), но и общественному характеру.

Помню 1951 год, когда весь мир боролся за освобождение из тюрьмы знаменитого поэта-революционера Назыма Хикмета. Доризо напечатал тогда страстные стихи, посвященные турецкому узнику. И — надо же! — стихи эти проникли через решетки и тюремные стены, и уже в Москве Назым горячо обнял молодого поэта.

Подлинный интернационализм свойствен и самому Доризо, и его поэзии. И неспроста писатели поручили ему тот участок работы, который связан с национальными литературами Российской Федерации (в течение ряда лет он — секретарь правления Союза писателей РСФСР). У него много друзей в Дагестане и в Татарии, в Бурятии и в Чувашии. Чуваш

Андрей Николаев, отправляясь в космос, взял с собой книжку его стихов и оттуда показал ее по телевидению всему земному шару.

На письменном столе поэта — верстка первых двух книг трехтомного собрания сочинений, рукопись новой книги «России первая любовь», посвященной великому Пушкину. В нее войдут написанные в разные годы стихи, раздумья в прозе о Наталье Гончаровой и трагедия в стихах «Третья дуэль» — о возмездии, которое испытал на себе Дантес, проклятый собственной дочерью как убийца гения.

...Мы идем с моим давним другом по нашей Красноармейской и ведем беседу о годах, которые мчатся так быстро. (Завтра исполняется Николаю 60). И он, запрокинув голову, читает свои строки: «Москва, как жизнь, у каждого своя». Ах, Москва, Москва!.. Она ведь не только добрый город, обогrevший молодого ростовчанина, она — его неизменное творческое волнение.

Александр ТВЕРСКОЙ.